

ЮЖНАЯ РОССИЯ

Каждое лето, когда я приезжаю в Кривошеино к дедушке, на столе нас встречает пузатый медный самовар. Дедушка, – решила поинтересоваться я, – откуда вы взяли такое чудо?

Он с широкой улыбкой ответил:

– Этот самовар пришел к нам с моей бабушкой – Маланьей Рябковой с Юга России.

– Как же она попала в Сибирь?

– Давай она нам и расскажет.

Тут дедушка развернул пожелтевший от старости конверт и начал читать.

– Наше село Пушкино Инсарского уезду больно хорошо. Всего хватает. Вправо повернулся – леса казенные, налево – реки да озера. А что сказать про чудеса нашего климату да чернозему, какой хлеб ни посеешь, народится богато, с десятины в 3000 квадратных сажень по 150 пудов, а то и больше, ржи и по 120 пудов овса. Такой урожай Столыпиным – господам нашим на радость был до 19 февраля 1861 году, до манифесту царя нашего «о всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей». Зря тогда мой отец горилки перебрал, али знания не имел, чтобы из обещанных 3 десятины на каждую ревизскую душу у барина вымолвить по 3/4 десятины на душу выйдет. Только смирились сельчане с сей несправедливостью, так насел управ-

ляющий Иван Журавлев, крутого нрава, наложил на землю цену в 28 рублей и до 45 рублей за десятину на один посев. Тут особачились крестьяне: разве гоже так с простым людом поступать? Пять лет письма господам у столицу слали, мол, верните наш полный надел, так ничего и не вышло. Так что, когда явился к нам земской начальник 2-го участка Инсаровского уезда господин Дятлов и сообщил, что специально для жителей села Пушкино открыто переселение в Сибирь, на запись встало 49 домов, последним наш числился. Дали нам неделю на сборы, и, как щас помню, 8 сентября 1866 года выехали мы у Сибирь. Едем, значит, мы в Сибирь, теплушка забита доверху: 15 душ женских, 10 мужских, сверху 7 ребетячьих. Врать не буду, страшно было: говорили про эту Сибирь такую чертовщину, дескать, медведи там по селу пешком ходят! На улицу выйти нельзя, ежели закоченеть заживо не хочешь, а в избе нужно в трех шубах да в валенках быть и печь раз в пять минут дровами задабривать. А что поделатъ? Вагон не остановишь... В теплушке ночуем четвертую неделю; чем ближе к Сибири, тем холоднее, буржуйка топится, а дубак стоит собачий!

Второго октября заболел мой тятка, а через три дня помер. Не дали супостаты его оплакать, вынесли тело на ближайшей станции и бросили на дорогу, зверям на поругание. Плакала я долго, любила тятку, он мне и пряники, и пестушков с ярмарки привозил, а теперь нет его, не увижу боле.

Не обсохли слезы с батькиной смерти, так помёрла матушка моя, 6 октября 1866 году похоронили возле путей в общей яме. Тогда пуще возненавидела я Сибирь, али забрала она у меня все то, что имелося.

Не помню я, что потом было, сколько ехали, где остановку брали, помню только, что доехали мы ужо в ноябре, к декабрю ближе до округа Каинского Томской губернии, а там меня как сиротку подобрала вдова местная. С той поры зажила я по-другому, да ничем не хуже прежнего.

Дедушка свернул листочек и, вздохнув, сказал:

– Самовар-то от бабушки в память и остался. Храню его и всех родных вспоминаю.

СКАЗ О КУЗНЕЦЕ

Давнехонько это было, еще Томска губерния гореть могла. Жила здесь на святой земле удава(вдова), было у нее три сына: Иван старшой в целой сажень сложен, второй Антон – по-удалецки умен, а младшой материн сын – Микола, отроду не было и года. Браво жила удава со своей оравой, покуда не постучалась в избу черна смерть. Унесла змея подколодная всю семью на тот свет, а о Миколе-младшом забыла, али спрятала его мамонька в печь от смерти лютыя. Быстро года летят, словно Томь по весне. Вырос Микола бравым молодцем, говорят умнай, слов добрых скажет, да на гусях сыграет и песенки споет. Однажды собрался Миколка в город, на других поглядеть, да себя показать, заворотил с собою пожитки да отправился тропами длинными, горами могучия, лесами темныя. Долго ль, кротко ль, наткнулся славный молодец на кузницу, глядит, а в околе сидит старик.

– Здравствуй, старец-седа голова!

– Здравствуй, молодец добрый, кем будешь?

– Я Микола-материн сын, пошел до города, себя показать, да на других поглядеть. А тебя величать како?

– Аз есмь кузнец, на весь свет мастер.

– Слушай старик, возьми меня в ученики, али нечего мне люду показать.

– Хорошо, добрый молодец, возьму я тебя под свое крыло, только замен с добра платить будешь (взамен добром).

Учился Микола три года да три месяца, сделался молодец удалецким кузнецом. Снарядился он да отправился вперед, до города.

Дошел кузнец до Томску, стал подсабливать в хозяйстве одному купцу, а тот ему замен питья да постелю. Хороша життя была, пока не приглянулся Миколка барской дчери. Стал барин к Миколке ходить да уговорами мучить, мол:

– Возьми, мою Лизку под венец, златом серебром наделю, будешь словно сыр в масле кататься.

Отказывался удалецкий кузнец, не любя ему Лизка была. Через недельку особачился барин, да приказал слугам своим схватить Миколу и закрыть на запор, пока дчерь его не залюбит. Долго сидел кузнец под забором, пока не разо-злился барин еще пуще, заставил злодей окаянный посадить молодца в печь да не выпускать. Повиновались слуги. Как посадили Миколу в печь, огонь рассту-пился, приговаривая:

– Кузнец-молодец, дородня моя, я берегти тебя, как и ты меня.

Открыл барин заслонку, увидел Миколу живого-здорового, рассвирепел, приказал отрубить голову железным топором. Только замахнулся палач на мо-лодца, топор взлетел, приговаривая:

– Кузнец-молодец, дородня моя, я берегти тебя, как и ты меня.

Увидал это барин, так разолился, что помер.

А на грянной неделе нашел Микола себе жану – хорошу девушку. Свадьба была по старинному венчанию, вина лились да песни пелись. На етим пиру я была, мед-вино пила. А как дали мне штык, я под ворота шмыг. Дали колпак, давай во все стороны меня толкать. Было синенько платье, одно единственно. Положила под кокору, теперь не знаю под котору. Осталась без платья. И дали мне соломенну плеточку, ледяную кобылку. Ехала-ехала, пришла весна-кобылка растаяла. Палы пошли – плетка сгорела. Осталась при стуле ни при чем. Сказ-ка вся!

ДАНИЛА

Дело то на базаре было. Стоял я в первых рядах, ельцом со стерлядкой тор-говал. Тут ко мне подходят два мужика, щупленькие, драные, видно бродягами будут, да говорят:

– Здорово, Данила, почем стерлядку отдашь?

Я и говорю, мол:

– 7 копеек за едину.

А они:

– 7 – много, давай лучше я тебе кажу, где самы красивы да работящи девки водятся, а ты взмен мене с добра рыбы.

Я ж не дурак, разом согласился, коль за рыбу такой секрет узнать – вреду не будет. Завернул стерлядку, саму большу да сверху ельца добавил.

Долго говорил нищай, а я толком не слухал, ёдно понял– идтить до городу Сибири треба.

На следующий день собрал свою финку (лошадь), да отправился в дорогу. День иду, второй иду, а Сибирью етой не пахнет. Устала кобылка моя, решил остановку взять, да не тут-то было, оплетали меня татьи поганые, говорят, мол:

– Кажи казну, а то силом брать будем!

Я-то молодец размышленный, решил обманом взять, вот и отвечаю:

– Вот, возьмите мою котомочку, та златом-серебром сполна набита.

Открывают супостаты котомку, а тамо одни камни. Разозлились, приколоть хотели, а я дальше и говорю:

– То злато с серебром передал мне знахарь наш, да сказал, что богасьва в котомке не увидит только дурна голова. Вы же робята премудрые, забирайте себе.

Не хотели татьи дураками казаться, вот и взяли камни с собою, а меня отпустили.

Пошел я дальше. То лесами, то полями, а Сибири опять нет. Тогда решил опять остановку взять. Только под кокорой улегся, как прибегает цыганка. Говорит:

– Здравствуй, милый молодец. Дай-ка рубль, погадаю.

А я ей:

– Нету у меня собой ни копыя, коли доведешь меня до Сибири-города, то награжу тебя мешком злата.

Согласилась гаданка, довела меня до Сибири, а я ей взаместо платы яблочко дал, сказал, что волшебно будет.

Стал ходить по Сибири, невесту искать. Смотрю, у одной нос картошкой, у второй что глаз, что плошка, у третьей морда, как у кобылы, а четверта на обезьяну похожа. Думал назад ворошиться, покуда не увидел таку красну девку, каку свет не видывал. Ротик у ней как копилоцька, носок – пуговоцькой, щеки алые да глаза зелены. Увлекся ею, стал ухаживать: то конфету, то цвяток подарю, а она всё воротится. Тогда заслал я к ее вратам сватов, а ее матушка, добра удава, венчанье благословила. На той неделе сыграли свадьбу, да съехали подальше– до Томску. Теперь живем– поживам, добра наживам, а горя не знам.